

С.А.Гринкевич, учитель

## Поселок Октябрьский. Забытая трагедия.

*« Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь»*

Название этого поселка всплыло ненароком в одной из бесед со стариками. Всплыло и забылось.

Второй раз название «Октябрьский» мелькнуло в сводке о ходе лесозаготовки в Лысьвенском районе в конце сороковых: Октябрьский лесоучасток Кыновского леспромхоза. Вдвоем с учеником Кыновской школы Алексеем Папуловым, моим помощником и сотрудником, искали мы в Лысьвенском архиве сведения о спецпереселенцах, пересматривали описи и дела за тридцатые-сороковые годы. Но в документах районного архива даже слова такие: раскулаченный, спецпереселенец – не фигурировали. Видно, вся отчетность о них шла по линии НКВД, значит, информацию следует искать в соответствующем областном архиве.

А в ноябре 2007 года поселок Октябрьский в третий раз напомнил о себе.

Завод-Кын. После уроков иду в магазин, а навстречу Екатерина Ивановна Лунегова., приветливая словоохотливая старушка. Поздоровались, как водится, и понимаю, что она что-то хочет рассказать.

- Читала вашу статью о Вынырке, а что ж вы об Октябрьском не пишете?

- Не знаю о нем, вот и не пишу.

- А я в детстве жила там...

Отошли мы в сторонку и Екатерина Ивановна не отпустила меня, пока не рассказала все, что помнила.

*Вспоминает Екатерина Ивановна Лунегова.*

*Наша семья бежала из колхоза в Талице в 1936г. Сами понимаете, как тогда платили колхозникам: галочки и палочки на трудодни. Привез нас отец в поселок Октябрьский на речку Чизму. Поселок этот был основан раскулаченными в начале тридцатых, а ко времени нашего приезда жилими были только два дома: в одном жил Шульгач - старик из раскулаченных, а в другом – семья охотников Шавыриных из Копчика. Люди из поселка разбежались куда глаза глядят. Места бездорожные, гиблые. Беглые ссыльные приходили и к нам в Талицу, когда мы еще там жили, просили хлеба. Осталось в поселке Октябрьском десятка два пустых бараков, крытых сосновой дранкой, сруб недостроенной школы и приготовленные для нее ящики со стеклом. Осталось и кладбище. Недавние могилы проваливались, крестов на них не было. Вокруг брошенного поселка простиралась обширная вырубка. А земляники-то! Полей у поселка не было. Скорее всего, занимались ссыльные лесозаготовкой и сплавом леса по Чизме. От Октябрьского до деревни Чизмы, где эта речка впадает в Чусовую, километров пятнадцать, но дороги не было, добраться можно было тропкой вдоль речки. Дорога была проложена со стороны Малого Кумыша: километра два до деревни Заболотней, где было овощное хозяйство и оттуда еще километров восемь. На лето в эти места пригоняли скот на выпас и нагул из Чизмы, из Вынырка, из Мишарихи - пригоняли и телят, и овец., травы на вырубках хватало. Кроме нашей семьи в Октябрьском жил лесник Шавырин с семьей, он был немым. А от спецпереселенцев остался один Шульгач, у него вся семья здесь умерла, а он никуда не поехал. До 1940 жили мы в Октябрьском а в 1940 отец перевез нас в Кын – детей надо было в школе учить. Переезжали в конце октября, уже по снегу, на двух телегах. Отец в колхоз не пошел, устроился лесником. Был он 1898 года рождения и в сорок первом его не мобилизовали. Осенью сказал он мне: «Видно, заберут меня, Катюша. Война затянулась». В начале сорок второго его мобилизовали, а в сорок третьем с тяжелым ранением вернулся он домой. К сельской*

*работе он был непригоден и проработал сторожем в милиции до своей смерти. Умер отец в 1944 году.*

Так поселок спецпереселенцев Октябрьский обрел свое место в пространстве, но еще не во времени. Надо было искать других очевидцев. Обратился я к Ивану Сергеевичу Шавырину, сыну лесника Шавырина, упомянутого Екатериной Ивановной. Он подтвердил, что их семья жила в Октябрьском, но сам он ничего не запомнил по малолетству, а отец рассказать не мог - был немым от рождения.

Станция Кын. В поселковой библиотеке берет меня за руку незнакомая старушка.

- А я ведь из Вынырка... - это была Стежина Людмила Николаевна.

- Может, и про Октябрьский вы что-нибудь знаете?

- Я-то не знаю, а подруга моя жила там.

- Далеко ли она живет? Сможете меня к ней проводить?

- Отчего же не отвести.

А через десять минут меня уже угощали чаем в доме Ефросиньи Дмитриевны, показывали документы о реабилитации...

*Вспоминает Шумяк Ефросинья Дмитриевна. 1921г.р.*

*Родом я из Краснодарского края, с Кубани. Жили мы не в самой станции, а на хуторе. У родителей нас детей было пятеро, да еще с нами жили бабушка и дед. Первый раз раскулачивали в 1929г, но тогда мы уцелели. А второй раз начали раскулачивать в 1931г., в феврале. В то раскулачивание пострадала почти вся станция, поголовно выселяли. Мы в это время уже были колхозниками. В хозяйстве у нас было три лошади: кобыла, двухлеток и жеребенок, корова, три поросенка, куры, гуси, кролики. В нашем колхозе не было конюшен и коровников, поэтому скотину в колхоз не забирали – все равно негде ее держать, Может, из-за скотины и стали мы кулаками? Приехали из станции, все описали, скотину забрали, даже курей – посадили их в ларь, а когда привезли в станцию, оказалось, что все они задохлись. Описали и постройки, и всю утварь, инвентарь. А нас посадили в товарный вагон и повезли в Чусовой. У нас с собой ничего не было: ни постельного белья, ни теплой одежды, ни запаса еды. Какая теплая одежда на Кубани? Там если с утра снег выпадет – к обеду растает. На улице был один тулуп и пара валенок, пользовались по очереди, когда ездили на мельницу, весь хутор знал: раз он тулуп взял, значит на мельницу собирается. Перед отправкой родители успели посушить в печи резанных кабачков, а больше ничего после раскулачивания не осталось – вот и весь запас еды. В пути иногда выдавали нам суррогатный хлеб и воду. Умирать люди начали уже в поезде.*

*В Чусовом был, наверно, сборный пункт. Оттуда людей рассылали в разные стороны: кого на Усьву, кого в Кын, кого в сторону Тагила. Жили мы на окраине Чусового почти год. Родители ходили на лесозаготовку, а мы, дети, оставались в бараке. В школу нас не водили.*

*А зимой 1932 года отправили нас в поселок Октябрьский. Поездом до станции Кумыш, а оттуда пешком – на Октябрьский – это километров двадцать. Весь поселок состоял из барачков, в каждом человек по пятьдесят. А сколько было барачков – точно не помню. Встретили нас свои же ссыльные враждебно, злорадствовали: вот, мол, сначала вы нас раскулачивали, а теперь и ваша очередь пришла. Умирать в Октябрьском начали сразу. Голод был настоящий. Единственное, что нам выдавали на паек – мука, да и ту давали нерегулярно. Из муки делали затируху. А работать надо было много, нормы на лесозаготовке повышенные. Кто на лошади бревна трелевал, мог хоть горсть овса когда у лошади взять, а что есть лесорубам? А у всех еще дети и старики в поселке... У нас первой умерла бабушка, весной 1932г. Дед сделал для нее гроб из сундука, она была единственной из нашей семьи, кого похоронили в гробе. Могилу вырыли на другом берегу речки, сначала кладбище там было. А потом стали умирать по несколько человек в день, гробы делать перестали, да и хоронили уже в братских могилах, попросту в ямах. Утром обходят бараки и выносят умерших к дверям, а потом на волокушах для*

трелевки леса везут к могиле, волоком по снегу, по несколько мертвецов. Хоронить стали и по эту сторону речки, чтобы поближе было. Когда умер дед, мама зашила его в половик, так в половике и положили его в братскую могилу. Отец опух с голоду и работать в лесу уже не мог. А тут подвода пошла в Грязнуху. Отца посадили попутно и довели до Завода-Кына, там он должен был пойти на прием в больницу. А подвода ушла дальше. Через две недели мать пошла пешком в Завод-Кын навестить отца, а о нем в больнице никто не знает, не приходил он туда. Исчез отец, и что с ним случилось, где он лежит – мы так до сих пор и не знаем.

Одежду рабочую нам не выдавали, а своя на лесной работе быстро изнашивалась. Ходили в лохмотьях, донашивали то тряпье, что осталось от покойников, а обувались в лапти.

Речка в Октябрьском была запружена, весной пруд спускали и по высокой воде сплавляли штабеля леса. А потом шли по берегам и скатывали в воду обсохшие бревна.

Весной вскопали мы несколько грядок, но семян на посадку не было. Нашли пару горстей фасоли, посадили ее, а она вся померзла, не растет здесь фасоль. На вырубках между пеньками выжигали дерн и мох и сажали картошку прямо в непаханую землю, присыпая сверху землей и золой. Ели молодую зелень: побеги, почки, листья. Потом и грибы пошли. На Кубани мы грибов никогда не видели, нет их в степях. Набрали мы мухоморов и всей семьей наелись. Нашла нас бабка Шульгачиха, лежали мы уснувшие, как будто умерли. По очисткам грибным поняла она, что мы отравились мухоморами, и позвала врача. Тот осмотрел нас, сделал какие-то уколы и сказал, что будем жить. И ведь ожили!

К осени 1933 года уже почти построили школу, осталось только окна вставить. А пока мы, дети, занимались в углу барака. Подружкой моей по школе была Настя Шульгач. Учителем был кто-то из ссыльных, уже не помню кто.

Зимой 1933 года в школу я не ходила, была у меня другая школа: ходила по миру, по всем окрестным деревням, все концы ногами перемерила. Ночь наступает, а мать из барака выглядывает – нет ли коменданта. Комендант ходил и стерег, чтобы люди не разбежались. А как комендант уйдет к себе, я быстро и вышмыгну. Приходила в деревню и стучала в избы – кто что вынесет. Помню, пришла раз в Копчик, постучалась к знакомой женщине, она впустила меня и сразу на теплую печку – отогреться. И подала она мне большую миску вареных костей – холодец варила. Я всю ночь эти кости грызла.

Зимой 1933 года вся наша семья заболела тифом. Лежали в школьном бараке среди других заболевших. Брат переболел тифом, а потом снова заболел, наверно это был возвратный тиф. Но нашей семье повезло, все дети и мать выжили. А что было в поселке в эти месяцы – я не знаю. Говорят, что комендант умер от тифа, а народ стал разбредаться куда глаза глядят. Весной все мы были очень слабые. А в июле 1934г. Октябрьский закрыли и всех оставшихся разослали по другим поселкам: кого в Мишариху, кого в Вынырок.

Мы попали в Мишариху. Там жизнь была уже намного легче, уже можно было жить. Работали мы в колхозе, корчевали вырубки, сеяли, пололи посевы. Корчевка – тяжелая работа. Пеньки окапывали и обрубали разлапистые корни, затем подводили под пенек длинный рычаг и несколько человек наваливались. Так каждый пенек на вырубке и убирала, а их было – тысячи и тысячи. На месте вырубок постепенно появлялись поля. Я умела белить и штукатурить, этим хорошо подрабатывала – звали меня штукатурить дома. В тех местах есть белая глина, она шла вместо штукатурки.

Скотину из Мишарихи летом угоняли на вольный выпас в Октябрьский, на месте поселка и вырубок трава хорошо росла. Угоняли туда и рабочих лошадей на нагул, и телят. Моя сестра в пастухах была. Она рассказывала, что из старых жителей остался в Октябрьском один Шульгач, а куда делась его семья: жена, дети – я не знаю. С его дочкой Анастасией мы вместе в Октябрьском в школу ходили. Но раз он жил один, значит, что с ними случилось? Там еще какое-то время жили лесники – одна или две семьи

*В 1938 году работала я на участке Кирпичной. Это был большой поселок, работали и вольные, и сосланные. От Кына - шесть километров по реке. К берегу Чусовой была проложена узкоколейка, она начала действовать с 1939г., вагонетками подвозили лес к реке. Был в поселке клуб, работала медсестра, а жили люди в бараках. В 1941 году я, уже беременная, пошла на осенний сплав. Мы шли вдоль берега и скатывали в воду бревна, а там, где на поворотах образовались лесные завалы, мужики растаскивали их. Главное – найти то бревно, которое весь завал держит и подобраться к нему. А подбираться надо по бревнам завала, и если в это время завал стронется, то спастись уже нельзя. Затем цепляют его тросом и с помощью лебедки стараются сдвинуть. Если трос лопнет – то и убить людей может. Прошла я с бригадой от Верхней Осянки до Чизмы и простудилась на холодном ветру, да на холодных ночевках...*

*А из Октябрьского я, пожалуй, последняя осталась.*

Может быть, о том, что происходит на местах, областные власти не знали? Пока я искал очевидцев, Алеша Папулов рылся в Интернете, и не безуспешно. Приведу отрывки из документов по Пермской спецсылке, опубликованных А. Сусловым.

**Нормы снабжения уральских спецпоселенцев устанавливались на низком уровне. Осенью 1930 г. одному человеку полагалось 200 г муки в сутки, 100 г капусты, 195 г картофеля при отпускных ценах на 15% выше кооперативных. Но даже эти нормы в реальности не обеспечивались.**

**СНАБЖЕНИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ УРАЛА (октябрь 1930 г.)<sup>i</sup>**

<b>Продоволь- ствие</b>	<b>Требова- лось по нормам</b>	<b>Факти- чески отгру- жено</b>	<b>% потребности</b>
<b>Мука, т</b>	<b>24500</b>	<b>14733</b>	<b>60,1</b>
<b>Крупа, т</b>	<b>1620</b>	<b>853</b>	<b>52,7</b>
<b>Овес, т</b>	<b>3520</b>	<b>1740</b>	<b>49,4</b>
<b>Рыба, т</b>	<b>4280</b>	<b>2640</b>	<b>61,7</b>
<b>Масло раст., т</b>	<b>232</b>	<b>164</b>	<b>71,0</b>
<b>Сахар, т</b>	<b>557</b>	<b>598</b>	<b>107,4</b>
<b>Мыло, т</b>	<b>163</b>	<b>45</b>	<b>28,0</b>
<b>Табак, т</b>	<b>267</b>	<b>27</b>	<b>10,0</b>
<b>Х/б ткани, руб.</b>	<b>1239000</b>	<b>45000</b>	<b>7,7</b>
<b>Шерст. ткани, руб.</b>	<b>272000</b>	<b>150000</b>	<b>55,1</b>
<b>Обувь, руб.</b>	<b>280000</b>	<b>59000</b>	<b>21,1</b>
<b>Готовое платье, руб.</b>	<b>700000</b>	<b>150000</b>	<b>21,4</b>
<b>Кожтовары, руб.</b>	<b>430000</b>	<b>12000</b>	<b>2,8</b>

А вот выдержки из документов, опубликованных историком И.Е.Плотниковым.

**Совершенно секретно**  
**Председателю Уральского областного**  
**исполнительного комитета т. Ошвинцеву**  
**Копия: Московскому представительству**  
**Уралсовета т. Дворкину**

### **ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА**

О расселении и использовании кулацкой ссылки в Уральской области

**Согласно постановлению Наркомснаба СССР от 11/II—31 года, спецпереселенцы с 1 апреля с. г. будут сняты с централизованного! снабжения. Таким образом, последние должны будут снабжаться из местных фондов по установленным для них нормам.**

**Приведенное постановление Наркомснаба положение со снабжением спецпереселенцев еще более обострит...**

Условия труда работающих равны, в основном, условиям, принятым для прочих категорий работающих. Изъятие сделано лишь в части повышения норм выработки против вольнонаемных рабочих на 50% и выдачи зарплаты в размере 75% от нормальных ставок, что проведено на основании постановления СНК от 6/V—30 года. Средний заработок работающего за удержанием ориентировочно составляет 32 р. 18 к. в месяц. Приведенные нормы выработки в основном выполняются, особенно за последнее время, что обуславливается введением системы премирования, выдачей продовольствия на заработанный рубль, приспособлением работающих к ранее неизвестным трудовым процессам, усилением административного надзора за работающими... Но наряду с отмеченными фактами положительного свойства нельзя умолчать и о случаях саботажа, симуляции, злостного нарушения трудовой дисциплины, побегов с мест работ и т. д., каковые случаи имели широкое место главным образом в начале лесозаготовительного сезона, сейчас же идут на убыль, благодаря принятым административным мерам по заданиям Уралсовета, в частности организации штрафных команд...

Начальник Комендантского отдела Уралобласти Баранов НС № 251/и 8/Ш 1931 г.

Совершенно секретно.

Меморандум № 1 Уральского областного комендантского отдела 1 апреля 1931 г.

По снабжению спецпереселенцев Уральской области продуктами питания и промтоварами

#### <...>VII. ЧУСОВСКОЙ РАЙОН

14.

Донесения коменданта № 138 и 148 от 9 и 17/Ш с. г.

При обследовании спецпоселков установлено, что ЦРК вовсе не имеет твердых норм для снабжения нетрудоспособных и детей спецпереселенцев продуктами питания, вследствие чего отмечаются перебои в снабжении таковыми. В особенности положение катастрофическое в Кыновском пункте — одном из дальних от райцентра. По причине недостаточности питания обнаруживается массовость случаев заболеваемости спецпереселенцев, и в особенности среди детей. <...>

Начальник областного комендантского отдела Баранов

Медико-санитарное обслуживание спецпереселенцев в Уральской области  
Из докладной записки Уральского облздравотдела в Наркомздрав  
На 10 февраля 1932 г.

Кыновской район. <... > К основным недостаткам надо отнести — холод в помещениях за отсутствием зимних рам. Наличие щелей в стенах и дверях. Сгущенность людей: в доме 8, 5x5, 5 м помещается до 25-ти человек. Отсутствие надлежащей чистоты, нет уборных, выгребных ям, недостаток бань, прачечных нет <... > Для обслуживания по району имеется один врач и 2 фельдшера <... >

Из приведенного выше материала, а также и по другим имеющимся в распоряжении Облздравотдела материалам и сведениям, санитарно-бытовые условия спецпереселенцев и медико-санитарное их обслуживание представляется в следующем виде:

1. Жилище. Следует подразделить на жилища в тяжелой промышленности, новостройках и в лесной промышленности. В первых преимущественно бараки обычного стандартного типа, принятого в данной организации, во вторых (лесной [промышленности]) — большей частью поселки, состоящие из двухпарных изб, в каждой из которых в дальнейшем будут селить только одну семью.

Жилища все строились наспех, из сырого леса, совершенно недостаточно утеплены, значительные щели, как правило, отсутствие вторых зимних рам. Встречаются места, где спецпереселенцы живут в землянках ...

2. Питание. Питание, как правило, неудовлетворительное и в подавляющем большинстве носит характер индивидуальный

<... >

Особенно скверно с питанием спецпереселенцев на лесозаготовках, где оно недостаточно и по количеству, и по качеству. Полное отсутствие жиров и мяса, дети получают те же продукты, что и взрослые, молока для детей не имеется.

4. Одежда и белье. Одежда, хотя и имеется у спецпереселенцев, однако ввиду ее недостаточности, а главным образом отсутствия спецодежды и постельных принадлежностей, спецпереселенцы работают в своей одежде, подстилают ее во время сна, ею же и укрываются, что привело одежду в чрезвычайно изношенный вид и одежда значительного количества спецпереселенцев, особенно из завезенных в первое время спецссылки, имеет вид лохмотьев. Особенно тяжело с теплой обувью, вследствие чего нередки обморожения. Указанное в отношении одежды будет верно по отношению к белью.

5. Санитарное состояние жилищ и поселков. Как указывалось выше, все жилстроительство строилось поспешно, небрежно, из сырого леса. Полное отсутствие кладовок как при бараках, так и при избах, заставляет спецпереселенцев все свои вещи и одежду, нужную и ненужную в настоящее время, держать возле себя. Часто барак производит впечатление огромной кладовой, набитой хламом.

Семьи в бараках не отделены. Значительное количество недостроенной жилплощади создало чрезвычайную скученность в бараках и избах, где, как правило, сплошные нары. Нередки случаи спанья под нарами за отсутствием места на последних. Все же скученность на лесных поселках меньше, чем в бараках остальной промышленности.

Как правило, в настоящее время количество жилой площади для спецпереселенцев колеблется от 0,5 до 1,5 кв. метров [на одного человека], редко подымаясь до более высокой обеспеченности. Значительное количество детей в бараках обуславливает в них постоянный шум, отчего страдает отдых рабочих.

Несмотря на значительную борьбу с насекомыми и паразитами в бараках <... > дезинфекция серная за отсутствием серы не производится, влажная же не достигает цели, кроме того, резкая недостаточность вошебок оставляет одежду постоянно завшивленной. Как правило, полное отсутствие уборных и помойных ям (за исключением новостроек, где они постоянно переполнены за недостатком ассенизационного обоза).

Площадь вокруг жилищ загажена и если зимой это представляет лишь некрасивое зрелище, то весной, с начала таяния, это составит реальную эпидемическую опасность <.

Знали уральские власти о том, что происходит в спецпоселках, посылали туда комиссии, выражали озабоченность. Между строк приведенных документов читается чуть ли не сочувствие. Вышестоящие органы предупреждались о надвигающемся голоде. Но даже если и сочувствовали в душе, все равно продолжали губительную политику «уничтожения кулачества как класса». Судя по датам приведенных документов, речь идет об Октябрьском, самом раннем из спецпоселков в наших местах (Вынырок, Рябиново, Мишариха появились в 1934-36 годах).

*Вспоминает Игорь Леонидович Югов.*

*Слышал про поселок Октябрьский на Чизме. Там раскулаченные жили какое-то время. Воды в речке этой мало, так они ставили запруды, накапливали в них воду, а затем запруды спускали и на той воде сплавляли лес. . Перемерли они там все, а кое-кто разбежался. Говорили, что даже комендант там умер.*

*Проехать туда можно: как закончится бетонка на Усть-Кумыш – поворот направо, километров восемь. По пути речку переезжать надо, а потом дорога прямо к Чизме и выведет. Есть еще проезд от Мишарихи*

Так поселок Октябрьский воскрес из забвения, из праха. Основываясь на воспоминаниях, можно назвать примерную численность его жителей: от 300 до 500. Видимо, такова была стандартная численность населения для подобных поселков, и определялась она сплавными возможностями малой речки. Можно назвать причину гибели поселка: голод 1932-33. Коренные деревни в нашей округе голод пережили: власть отняла в колхозах хлеб, но у людей были огороды, в лесу – грибы, в речке – рыба. Да, голодали, но не умирали. А для спецпереселенцев голод оказался смертельным. Огородов у них не было, из поселка отлучиться они не могли, а паек ... должен был выделяться из местных фондов.

Там и лежат они – по обе стороны небольшой речки Чизмы в необозначенных братских могилах. Кубанские казаки.

**И придет срок. После трубы архангела восстанут мертвые и облекутся в плоть, и потекут на суд Божий. Встанут старик Шульгач, его Шульгачиха, их дочь Анастасия, встанет из гроба бабушка Евфросиньи Дмитриевны и ее дед скинет с плеч остатки истлевшего половика, своего савана. Встанет из могилы комендант, привычно нашаривая несуществующую кобуру на кожаной портупее. И пойдут одни в свет, одесную Господа, а другие во тьму, к тому, которому служили при жизни.**

*Гринкевич Сергей Алексеевич.*

---